Русские народные сказки

Ворона

Жил да был старик. Поехал об афанасьеве дне в гости со старухой. Сели рядом, стали говорить ладом. Ехали-попоехали, по ногам дорогой. Хлобыстнул кобылу бичом трехузлым. Угнал ночью верст пять-шесть, оглянулся — тут и есть,— еще и с места не подался! Дорога худая, гора крутая, телега немазаная.

Ехал-попоехал, до бору доехал. В бору стоит семь берез, восьмая сосна виловата. На той сосне виловатой ку-кушечка-горюшечка гнездо свила и детей свела. Негде взялась скоробогатая птица, погуменная сова — серы бока, голубые глаза, портеное подоплечье, суконный за-воротник, нос крючком, глаза по ложке, как у сердитой кошки. Гнездо разорила и детей погубила и в землю схоронила.

Пошла кукушечка, пошла горюшечка с просьбой к зую праведному. Зуй праведный по песочку гуляет, чулочки обувает, сыромятные коты. Наряжает синочку-рассылочку, воробушка-десятника к царю-лебедю, к гусю-губернатору, павлину-архиерею, коршуну-исправнику, грачу-становому, к ястребу-уряднику, к тетереву польскому — старосте мирскому.

Собрались все чиновники и начальники: царь-лебедь, гусь-губернатор, павлин-архиерей, коршун-исправник, грач-становой, ястреб-урядник, тетерев польской — староста мирской, синочка-рассылочка, воробей-десятник и из уездного суда тайна полиция: сыч и сова, орел и скопа.

— Что есть на белом свете за скоробогатая птица, по-гуменная сова, белы бока, голубые глаза, портеное подо-плечье, суконный заворотник?

И добрались, что ворона.

И присудили ворону наказать: стряхнули о грядку ногами и зачали секчи по мягким местам, по ледвеям. И ворона возмолилася:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаите!

— Кто у тя есть свидетель?

— У меня есть свидетель воробей.

— Знаем мы твоего воробья — ябедника, и клеветника, и потаковщика. Крестьянин поставил нову избу — воробей прилетит, дыр навертит; крестьянин избу затопляет, тепло в избу пропущает, а воробей на улицу выпущает... Неправильного свидетеля сказала ворона!

И ворону наказывают пуще того. И ворона возмолилася:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаите!

— Кто у тя есть свидетель?

— У меня есть свидетель жолна.

— Знаем мы твою жолну — ябедницу, клеветницу и потаковщицу! Стоит в роменью липа, годится на божий лик и на иконостас. Жолна прилетит, дыр навертит; дождь пошел, липа изгнила,— не годится на иконостас; после того и лопаты из нее не сделати! Неправильного свидетеля опять сказала!

И пуще того ворону стегают по ледвеям и по передку. Опять ворона возмолилася:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаите!

— Кто у тя есть свидетель?

— У меня есть свидетель последний — дятел!

— Знаем мы твоего дятла — ябедника, клеветника и потаковщика! Крестьянин загородил новый огород, и дятел прилетел, жердь передолбил, и две передолбил, и три передолбил; дождь пошел, огород рассеялся и разва-
лился; крестьянин скот на улицу выпущает, дятел в поло пропущает.

И ворону наказали, от грядки отвязали. Ворона крылышки разбросала, лапочки раскидала...

— Из-за кукушечки, из-за горюшечки, из-за ябедницы я, ворона — праведница... Ничем

крестьянина не обижаю: поутру рано на гумнешко вылетаю, крылышками разметаю, лапочками разгребаю,— тем себе и нищу добываю! Она кукушечка, она горюшечка, она ябедница, она клеветница! Крестьянин нажал один суслон,— кукушечка прилетит и тот одолбит! Больше того под ноги спустит!..

И выслушали Воронины слова. И ворону подхватили, в красный стул посадили. Кукушечку-горюшечку, в наказание ей, в темный лес отправили на тридцать лет, поглянется — живи весь век! И теперь кукушечка в лесу проживает и гнезда себе не знает!